

УДК 37.01:141.8

DOI: 10.17223/2312461X/22/15

КАК БОРОТЬСЯ С ОТЧУЖДЕНИЕМ, ИЛИ ЧТО НЕ ТАК С КОММУНАРАМИ?

Димке Д.В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2018. 264 с. ISBN 978-9999999-0-51-6

Любое дело – творчески!
Иначе – зачем?
Из коммунарских лозунгов

Рецензируемая книга Дарьи Димке посвящена Коммуне юных фрунзенцев (КЮФ), точнее, тому, как на социализацию советских молодых людей 1960-х гг. влияло пребывание в коллективе, намеренно (само)организуемом вокруг проекта восстановления коммунистического образа жизни и творческой заботы об улучшении окружающего мира. «Как» здесь означает способы и типы воздействия коммуны на своих участников и результат – то, как участники взаимодействовали с окружающей их советской повседневностью. Работа состоит из введения, шести глав и небольшого заключения. Содержание глав в значительной степени пересекается с рядом статей, изданных ранее по итогам и в развитие магистерской диссертации (научный руководитель – И.В. Утехин, он же автор предисловия). Как мне показалось, главы являются отчасти переработанными статьями: статейная структура каж-

дой главы и разнесенность некоторых сюжетов несколько путают читателя, по умолчанию ориентирующегося на привычную «обстановку» академического текста. Тем не менее, сюжеты книги можно условно разделить на три группы: первые описывают «условия возможности» возникновения Коммуны; вторые концентрируются на коммунарских практиках, играх, обычаях, повседневности, мироощущении; наконец, третьи посвящены сосуществованию Коммуны с окружающей действительностью и представляют некоторые из «условий невозможности».

В рамках первой группы сюжетов Д. Димке показывает, как сформировались экономические и бюрократические ниши для деятельности коммунаров, а также истоки различных особенностей этого сообщества, в частности дискурсивных (например, военная лексика) и организационно-идеологических (коллективность всего проекта). Из введения, первой и четвертой глав читатель узнает, что подобные Коммуне юных фрунзенцев школы пионерского актива возникали с конца 50-х гг. при штабах районных или городских советов пионерской организации. Спецификой КЮФ, появившейся в Ленинграде в 1959 г., было то, что один из ее организаторов И.П. Иванов с целью воспитания детской инициативы и самостоятельности, применил в Коммуне педагогическую технологию, вдохновленную трудами А.С. Макаренко. Важным для этой технологии был акцент на коллективной самоорганизации и не-иерархичности, равенстве отношений между различными поколениями – дети и взрослые как единый самоуправляемый коллектив, сотрудничество равных, сплоченных общим делом улучшения окружающей жизни. «Коммунарская педагогика» И.П. Иванова некоторое время находилась в режиме благоприятствования и получила широкое распространение благодаря коммунарским сменам 1962–1963 гг. в пионерском лагере ЦК ВЛКСМ «Орлёнок» и деятельности «Клуба юных коммунаров» при газете «Комсомольская правда». Коммунарские клубы открылись во многих городах, некоторые из них действуют и сегодня. Детали распространения коммунарского движения, а также его дальнейшую судьбу автор подробно не рассматривает, концентрируясь на том, как существовала Коммуна юных фрунзенцев в период своего расцвета – с 1959 по 1964 г.

Используя различные документы и архивные материалы – приказы, постановления, стенографические отчеты, доклады на отчетных сессиях и т.п., Димке во второй главе представляет стройное объяснение того, как вообще в Советском Союзе могла появиться формально-бюрократическая ниша для деятельности организации, подобной КЮФ. В условиях дефицита рабочей силы, во-первых, проводится школьная реформа, направленная на профессионализацию образования (производственное обучение, трудовые практики, поощрение шефства производственных организаций над школами); во-вторых, принимается зна-

менитый закон «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни», в том числе ориентировавший комсомол на организацию досуга школьников. Однако комсомол не обладает достаточными рычагами давления на школьных учителей и пионервожатых, чтобы увеличить их рабочий день для работы с подростками после школы и в каникулы. В итоге для этого привлекаются невстроенные в школьно-пионерский контекст молодые рабочие из бригад образцового коммунистического труда и активная «общественность». Через давление на заводы в первом случае и создание «режима благоприятствования» во втором к работе с подростками привлекаются неподотчетные сотрудникам образовательной системы люди, которые имеют возможность устраивать досуг школьников на свое усмотрение. В некоторых случаях это выливается в мероприятия «для галочки», но также создает нишу для граждан с действительно активной позицией для реализации своих идей.

В этом же блоке сюжетов Димке характеризует специфику советских представлений о мире детства и роли детей в обществе. Основываясь на анализе художественной литературы и выводах различных исследователей, в первой главе автор высказывает предположение о том, что революционная концепция детства, характерная для советского общества, выстраивается в противостоянии с так называемой романтической, распространенной в индустриальных обществах вообще и, в качестве парадигмального примера, в викторианской Англии в частности. Для последней характерно восприятие детей как невинных, чистых существ, которых необходимо ограждать от взрослой повседневности. В революционной концепции дети – полноправные участники взрослой жизни и не нуждаются в отдельных играх, языке, пространстве. Более того, дети ближе к будущему, к утопии – не замутнены фальшью настоящего и потому во многих случаях могут служить примером для взрослых, а не наоборот. Так, Димке объясняет культурные истоки специфически советского представления о том, что лучшим средством воспитания является правильно созданный самоуправляемый детский коллектив, а основная деятельность этого коллектива – так или иначе трудовая, взрослая. Это объяснение будет позже использовано в характеристике особенностей игры в трудовой десант.

Теоретическая рамка, которую использует Димке для работы со второй, так сказать, «этнографической» группой сюжетов, дается во введении и в четвертой главе. В книге эта рамка, на мой взгляд, недостаточно эксплицирована, но потенциально является весьма мощным инструментом для анализа некоторых типов сообществ. Чтобы начать рассказывать о Коммуне, Димке предлагает различать в многообразии окружающих обществ и сообществ особый класс таких, которые характеризуются стремлением кардинально изменить мир, устроить его «по

законам искусства» – утопических. При этом классический подход (упоминаемые авторы: М. Вебер, К. Мангейм, Дж. Скотт), сосредоточенный на анализе только утопического мышления и провалов в его реализации, автор предлагает дополнить некоторыми различиями из важнейшей для англоязычной моральной и политической философии книге А. Макинтайра «После добродетели». Последние позволяют выделять среди сообществ с утопическим мышлением также такие, которые реализуют утопические практики, т.е. воспитывают соответствующий некоторому утопическому идеалу образ жизни. Макинтайр называет такие сообщества «героическими», имея в виду древнегреческий полис или общину средневекового монастыря. Быть членом такого сообщества – значит практиковать образ жизни, параметры которого более или менее известны всем практикующим: имеется согласованное представление о том, как следует действовать (стандарты практики), есть исторические образцы – истории о тех, кто достиг вершин мастерства, кому следует подражать и кого следует пытаться превзойти, и т.п. Более того, практика образа жизни предполагается самоценной, обладающей «внутренним благом» для практикующего. В отличие от «внешних благ», таких как деньги или слава, которые могут быть присвоены, так что добившийся большего тем самым лишает всех остальных возможностей их обрести, достижение внутренних для практики благ обогащает весь коллектив практикующих, расширяя возможности участников или трансформируя саму практику.

Коммуна предстает примером такого сообщества: к реализации утопии она идет путем воплощения в повседневности коммунистического образа жизни, чему и посвящены главы с третьей по пятую. Источниками для этнографической реконструкции Димке являются как уже опубликованные материалы о Коммуне (в том числе и самими коммунарами – это довольно рефлексивное сообщество), так и ряд интервью, взятых автором. Комментарий о характере последних читатель получает в начале третьей главы (с. 99) – речь идет о 26 биографических фокусированных интервью, взятых у организаторов и участников летних трудовых лагерей 60-х гг. (не только Фрунзенской коммуны, но и, по крайней мере, Кировской), а также их личных архивах (дневники, письма, песенники). К сожалению, почти ничего не говорится о методологии исследования – как собирались интервью, каковы были авторские установки, достаточно ли собранного материала, есть ли какие-то искажающие факторы, которые надо иметь в виду, и т.п. Тем не менее, используя названные источники, Димке рисует весьма яркую и насыщенную картину жизни Коммуны. Коммуна действовала непрерывно в течение всего «годового цикла» жизни школьника, однако ключевой формой существования КЮФ с точки зрения погружения ее участников в выделенную повседневность и концентрации коммунарских практик

был трудовой лагерь. В целях краткости «этнографический» блок сюжетов я раскрою в привязке именно к деятельности лагеря, хотя те же самые или сходные практики, ритуалы, игры можно экстраполировать и на внелагерное время.

Сравнивая лагеря Кировской и Фрунзенской коммун, Димке из наиболее часто упоминаемых в интервью с информантами лейтмотивов выводит «рецепт» хорошего лагеря, «заражающего» участников: а) ощущение очевидной востребованности труда, подкрепляющееся реакцией людей, действительно заинтересованных в его результатах; б) преодоление бытовых трудностей, ощущение подвига; в) «атмосфера» – во-первых, дискурсивные практики (ежевечерние огоньки, «откровенные разговоры»), в которых вырабатывается язык, позволяющий проговаривать получаемый необыкновенный опыт неиерархического¹ (с. 149) самоорганизующегося, творческого общежития вокруг общего дела, полезного не только на словах, и, во-вторых, песни, позволяющие закрепить эмоции совместной жизни. На фоне полной повседневного отчуждения и «фальши» обычной жизни (роли «искренности» в дискурсе шестидесятников, к которым Димке справедливо относит и коммунаров, посвящен раздел четвертой главы – с. 164 и далее) опыт так организованного трудового лагеря должен был производить мощный эффект «настоящей жизни», которой действительно можно «заразиться» (с. 99).

Неизменно яркие воспоминания информантов связаны с игрой в трудовой десант. Трудовой, или «тимуровский», десант является, по мнению Димке, специфически советской игрой, не характерной для других утопических сообществ (с. 209). Суть ее состоит в коллективной (силами отряда), тайной (как от объекта помощи, так и от других отрядов), самостоятельно организованной детьми (без освобождения от дневной работы, без наград и привилегий – ориентация исключительно на «внутреннее» благо) помощи кому-либо: например, в ходе операции могут быть наколоты дрова для живущей на краю деревни одинокой старушки (с. 194). Объяснение особенностей игры Димке выстраивает как через обсуждавшуюся выше революционную концепцию детства – в части коллективности, самостоятельности, тайны и трудовой направленности, так и через отсылки к военному опыту организаторов Коммуны – в части военной терминологии, используемой коммунарами (разведка, операция, десант и т.п.). В целом Димке предполагает, что фронтовой опыт понятного, честного, эмоционально насыщенного существования в подвиге мог представляться организаторам Коммуны на фоне послевоенной повседневности как идеал настоящей свободной жизни (с. 176–177). Этим идеалом Димке объясняет и необязательную жесткость «откровенных разговоров», возможно, наиболее экзотичной, или, как выражается Димке, «безумной» практики коммунаров «с точки зрения другой эпохи и другой культуры» (с. 140).

«Откровенный разговор» предполагал откровенные высказывания всех по кругу о каждом (включая взрослых, независимо от статуса), его достоинствах и недостатках с точки зрения человеческих, коммунарских качеств и пожелания для самовоспитания под лозунгом «Всю правду в глаза, и никаких обид! Пережить – и стать лучше!». Для объяснения смысла откровенного разговора как раз и нужен Макинтайр: поскольку сообщество объединено общим делом, практикой, постольку, как практикующий, каждый может быть оценен, к каждому могут быть предъявлены требования практиковать хорошо. А поскольку дело коммунаров является всеохватным – воплощение коммунистического образа жизни, – то и требования к практикующему это искусство могут быть предъявлены во всех сферах жизни вплоть до личных отношений, поступков и мыслей: любое «поведение любого члена сообщества касается всех» (с. 159). Это объясняет важность, возможность и необходимость откровенных разговоров между участниками коммунарского сообщества для выработки общих интерпретаций событий, перформативного проговаривания общих ценностей и корректировки личных отношений к ним. Именно через откровенные разговоры формировались в Коммуне те особые отношения, которые отмечают информанты Димке и которые И.П. Иванов характеризует как отношения требовательного уважения (с. 157) – видеть в настоящем лучшее будущее, идеал («утопическое зрение», в терминологии Димке), соотносить друг друга с ним и побуждать двигаться к этому идеалу.

К концу пятой главы коммунары предстают перед читателем искренними, честными людьми, ищущими место для подвига и пытающимися быть максимально полезными окружающим. При этом в своих желаниях, требованиях и поведении они, по-видимому, ощущают себя органической частью истории и государства – не спрашивая разрешения, не стесняясь. Например, отсутствие памятника не вернувшимся с войны в деревне Ефимия, близ которой располагался трудовой лагерь, воспринимается не как повод для сетования на небрежение властей или для писем и просьб в ответственные инстанции, а как повод самим установить этот памятник (в лучших традициях прямого действия). В том, что у коммунаров и их окружения одинаковая идеология, позволяющая им использовать мощные дискурсивные ресурсы официальной риторики, Димке видит как уникальность их положения (чаще утопические сообщества осознают свое противостояние окружающему миру), так и корень проблем: плохо вербализуемое, но отчетливо разное отношение к этой идеологии порождало разнообразные конфликты коммунаров с учителями, вожатыми, родителями, сверстниками. Этим проблемам посвящена шестая, последняя глава книги.

Чтобы пояснить разность указанного отношения, автор использует в качестве метафоры лингвистическое понятие «диглоссия»: публичный

дискурс подчиняется одним правилам – на собраниях и в официальных высказываниях необходимо делать эксплицитные отсылки к коммунистическим идеалам и ценностям, в то время как практики в личной сфере подчиняются иным, иногда противоположным идеалам и ценностям, при этом люди свободно переключаются между ними, не обращая внимания на противоречия (с. 230). Другими словами, специфика диглоссии не в том, что существует различие между публичным дискурсом и частной жизнью, а в том, что это различие не замечается, не акцентируется. Диглоссия, как кажется Димке, усваивается в рамках школьной социализации, но не усваивается в Коммуне, ибо (ошибочно) считается коммунарами временным сбоем системы, а не нормой ее функционирования. Коммунары смешивают официальное пространство с повседневным – пытаясь оживить официальный язык, подкрепить его опытом своей жизни, очистить от фальши, они тем самым разрушают диглоссию, превращают идеологию в вызов для окружающих. Окружающие при этом даже в рамках конфликта не считывают вызов как некое системное противостояние – как мы бы считывали вызывающее поведение представителей каких-либо сект или каких угодно других активистов с отчетливо отличной от нашей системой ценностей. В случае с коммунарами каждый случай конфликта прочитывается как индивидуальное упрямство, проявление юношеского максимализма и т.п., с точки зрения советского обывателя, и противостояние косности, мещанству, пошлости – с точки зрения коммунара. Таким образом, считает Димке, не давая участникам усвоить диглоссию, Коммуна социализирует в никуда: коммунары остаются без связей с комсомолом, двором, семьей (с. 262). Однако, несмотря на дедуктивную понятность этого вывода и его звучность, все же не совсем ясно, как можно его верифицировать. Какова судьба хотя бы тех коммунаров, у которых брались интервью? Насколько неприспособленными они оказались? На эти вопросы, к сожалению, автор не отвечает.

Другой вопрос, который может остаться после прочтения книги, имеет скорее «экзистенциальный» характер и соответствующую форму «как же так?». Действительно, как так получилось, что искренние, жаждущие подвига, желающие быть полезными люди оказались не нужны? Иначе этот вопрос можно задать так: почему диглоссия оказывается нормальным способом воспроизведения советских сообществ, а коммунарская искренность – ненормальным? Кроме просто теоретического интереса, данный вопрос связан с тем, что в отсутствие какой-либо проблематизации нормальности диглоссии, читателю сложно выстроить этическую позицию по отношению к коммунарам, так же как и понять позицию автора.

В целом же безусловным достоинством является то, что работа Дарьи Димке дает возможность взглянуть на сообщество коммунаров как

на нечто целое, понять, как оно появилось и воспроизводилось – в каких эмоциональных, экономических, дискурсивных, повседневных практиках и в каком контексте эти практики разворачивались. Помимо любопытнейшего эмпирического материала, который интересно попытаться сравнить, например, со спецификой функционирования анархистских сообществ, схожих акцентом на не-иерархичности организации и коллективности действия «снаружи» и заразительным опытом настоящей жизни² «изнутри», Димке предлагает и весьма любопытную концептуальную рамку для работы с утопическими сообществами и механизмами их интеграции.

Примечания

¹ Помимо уже упоминавшихся идей И.П. Иванова о равенстве детей и взрослых в Коммуне ср. также систему самоуправления в трудовом лагере – каждый день в каждом отряде выбирался по очереди дежурный командир отряда, так же как в Коммуне выбирался дежурный командир, при этом никто, в том числе и взрослые, не мог не подчиниться дежурному командиру.

² Ср. книгу 2009 г. антрополога Д. Гребера «Direct Action: An Ethnography» – этнографию анархистского движения, культивирующего прямое действие и прямую демократию в США начала 2000-х гг.

А.С. Басов

Московский государственный университет

Рецензия поступила в редакцию 6 ноября 2018 г.

Basov Alexander S., Lomonosov Moscow State University

HOW TO FIGHT ALIENATION OR WHAT IS WRONG WITH THE COMMUNARDS?

Review of Dimke D.V. [The unforgettable future: Soviet pedagogical utopia of the 1960s]. Moscow: Common place, 2018. 264 p. ISBN 978-999999-0-51-6